

ИНЫЕ ЖАНРЫ...

Всеволод МАЛЬЦЕВ

МОСКОВСКИЙ ТИТАНИК

Это утро в жизни Игоря Яковлевича не предвещало никаких особых изменений. За окном стояла такая же, как и всю неделю, беспросветная серая облачность, похожая на грязный, обкуренный выхлопными газами снег. Из телевизора ведущие утренних программ повторяли вчерашние новости.

И было бы даже еще более скучно и серо, если бы не... выборы.

Если просто сказать, что Игорю Яковлевичу нравились периоды подготовки и проведения выборных кампаний, значит не сказать ничего. Он их просто обожал: всякие там теледебаты, с обливаниями соком и мордобоями; прямые трансляции работы думцев со старыми деревенскими забавами — драками стенка на стенку да выдергиванием друг у друга волос, у кого что осталось; круглые столы, гласы народа, свободы слова и прочие телешоу с политическим уклоном, собирающие одних и тех же людей, кем-то когда-то куда-то выбранных.

Особенно в эти дни ему нравились, конечно, вечерние передачи, когда можно было уютно устроиться в кресле, пододвинуть к себе раскладной столик на колесиках с парой баночек пива, чипсами и вываленным на блюдце пакетиком фисташек. Но самое интересное, конечно, начиналось перед самыми выборами. Каждый из кандидатов на сокровенные места, словно студент перед сессией, считал, что лучше запомнится то, на что глаз упал в последнюю минуту, и всеми правдами и неправдами старался поставить точку в дискуссии.

Все эти зрелища так будоражили Игоря Яковлевича, что во время последних шоу он позволял себе и беленькую, пропуская по одной за каждый успешный ответ своего избранника. И при этом десятая шла также хорошо, как и первая, а любые дешевые закусоны казались изысканными деликатесами.

Вот и в этот раз он ни разу не пропустил ни одну подобную передачу, хотя в каждой из них одни и те же люди говорили, в сущности, одно и то же, с небольшими «вариациями на тему».

Каково же было его удивление, когда в девятичасовом выпуске новостей, вместо того чтобы вновь повторить давно известные всем «новости», абсолютно неожиданно не только для всех зрителей, но и для себя самого, диктор скорчил удивленную мину и зачитал с невидимого монитора «важное правительственное сообщение», полученное сотрудниками программы из «весьма компетентных источников». Суть этого сообщения сводилась к следующему.

— Выборов больше не будет, принято решение, что страна не может больше позволить себе разбазаривание огромных сумм на столь частые выборные кампании. Хватит! Выбрали в прошлый раз людей. Раз выбрали — значит, доверяете. И пока они живы и здоровы, пусть сами и решают: продолжать начатое или поставить на свое место более свежие, подготовленные ими молодые кадры.

«И нечего, — завершая чтение сообщения, зачитал диктор выдержку из «типичного послания трудящихся правительству», — коней на переправе то и дело менять, а то застрянем между двумя измами навек, не выпутаемся».

Услышал такое Игорь Яковлевич и загрустил. «Последнюю, блин, радость у человека отнимают!» — начал было тихонечко высказывать он свое возмущение, одновременно

разыскивая пультом разные программы — в надежде сверить, так сказать, свои думы-помыслы с общественным мнением.

Как он и ожидал, в ящике на этот счет мнения были разные. Одни поддержали правительственный почин: «Действительно, сколько средств бухаем, а результат? Как сядут в кресла, так и меняются, итить их, далеко не лучшим образом!»

«Правильно! — поддержали другие, политика — дело тухлое. Как туда человек попал — пиши пропал. Был человек — нет человека!»

«А нужна ли нам вообще эта Дума? — засомневались третьи. — Пусть министры работают, президент, значит, общие установки дает, и нечего туда-сюда рассуждать!»

А четвертые, как всегда, неуступчивые и своенравные, со всем этим несогласные, стали призывать обсудить этот вопрос на Манежной площади. Мол, приходите, люди добрые, обсудим все, поговорим между Кремлевской стеной и Думой, чтобы, если чего надумаем, недалеко было нести свою петицию.

«Какая еще Манежная? — удивился их предложению Игорь Яковлевич. — Её же практически не существует! Там же теперь многоярусный подземный Торговый центр со стеклянными шапками-тюбетейками наверху да фонарями?» Но сомнения эти, впрочем, быстро развеялись. Само по себе это предложение ему понравилось, он поспешил на «Охотный ряд» и встал в ожидании развития событий.

А там уже вовсю шла работа. С балкона гостиницы «Москва» уже ничего не скажешь. Нет «Москвы», разобрали всю и увезли в неизвестном направлении. Строят мужики на площади из подвезенных на двух грузовичках досок помост. Вроде эшафота получается. Да так быстро, что через полчаса на нем уже целая очередь выстроилась из народных трибунов. Стоят, руками машут, сами себя настраивая на речи забористые, искрометные. А вокруг народ толпится. Такие же охочие до дебатов, как он; понаехали со всех сторон, стоят, ждут. Настроение у всех приподнятое. Вокруг фонари красивые, во рвах фонтанчики брызжут, скульптурки на солнце бликуют.

— И что же это такое делается? — прорвался первый из ожидающих ораторов к свежеструганной трибуне, потрясая перед собой смятой шапкой. — Как же так? Опять без всех нас? Получается, что в нас и нужды больше не будет никогда?

Не успел он договорить свою речь, как началось нечто невообразимое. Вдруг из фонтанчиков одновременно, словно все краны сорвало, вода пошла не рассыпчатым веером, а толстыми, словно из гигантских брандспойтов, ливнеподобными струями. Они быстро заполнили вначале сами рвы, а затем, перевалив нешуточными волнами через балюстраду, и вовсе, словно из переполненной ванны, разлились по всей бывшей площади сбивающей с ног ледяной массой.

Кто-то успел громко зловеще пошутить:

— Так вот какой супераквариум нам обещали в столице!

Люди бросились со всех ног врассыпную, но довольно быстро были остановлены невидимой преградой и, настигнутые набегающей волной, отброшены назад, к центру площади. А вода все прибывала и прибывала, никуда не вытекая, словно со всех сторон к площади приставили высокие прозрачные стекла.

Игорь Яковлевич вспомнил, что этот подземный торговый центр с самого начала в народе называли «русским “Титаником”». «Прозорлив народ наш, чутье редкостное», — подумал он не без гордости, и когда вода накрыла с головой, оттолкнулся и попытался плыть в сторону Тверской, активно отбиваясь от кишащих вокруг него тел, многие из которых вопили что-то нечленораздельное и пытались ухватить его за руки и ноги. Приходилось действовать быстро и решительно, долбая кулаками по головам, разбивая носы и кроша зубы, бить, не глядя, каблуками ботинок во все твердое. Все это, правда, помогало только в первые минуты три.

Затем тяжелые прицепившиеся тела потянули его вниз. Он раскрыл под водой глаза и увидел, как на дне гигантского аквариума, словно ровная, подогнанная друг к другу галька, искрилась подсвеченная снизу брусчатка. Словно какой-то старинный затопленный город, вдали колыхались в подводных течениях и здание Манежа, и Кремлевская стена со своими башнями.

Наверху оставались те, которые еще плескались, удерживаясь на плаву вокруг всплывших досок от несостоявшейся трибуны, фыркая и тяжело перебирая обернутыми в мокрую одежду конечностями, и те, которые уже лежали на водной глади аквариума, постепенно раздуваясь и мерно дрейфуя то в одну, то в другую сторону, повинувшись переменчивому ветрилу.

Опускаясь вниз в клубке тел, он увидел бедолаг, которые зацепились одеждой за фонари и болтались на них, словно воздушные шарик, которые и рады бы улететь вверх, да не могут.

Шмякнувшись о брусчатку, людской ком, окружавший его, распался, и он сразу же воспользовался этим, чтобы продолжить свой путь пешком, идя по неустойчивым телам, буквально за минуту обложивших дно в несколько слоев. Посиневшему от переохлаждения, с красными выпученными глазами, ему удалось подойти к невидимой стене и увидеть людей. Одни шли по своим делам, не останавливаясь. Другие, как ему показалось, приезжие и иностранцы, с некоторой досадой рассматривали барахтающихся в аквариуме людишек, закрывающих им вид на Красную площадь.

Вдруг на месте главного входа в Торговый центр словно кто-то открыл, наконец, пробку, и образовалась огромная воронка, моментально начавшая без разбору всасывать в свое чрево: живых и утопленников, доски и грузовики, и даже весь образовавшийся в результате недолгого пребывания толпы на одном месте мусор. Устремляясь в этот бешеный водоворот, все это словно попадало в другое измерение, исчезая бесследно.

Затем дырка в последний раз утробно отрыгнула, справляясь с остатками, и исчезла. На её месте вновь образовался стеклянный купол входа. Площадь опустела, и только редкие лужи как-то очень отдаленно напоминали о прошедшей водной вакханалии.

Совсем низко над землей проплыло огромное красное солнце, ликвидируя лужицы и окончательно лишая дворников повседневной работы.

Стеклянные стенки исчезли, и люди, как ни в чём не бывало, ступили на бывшую Манежную площадь и растеклись по ней: кто, спускаясь в Торговый центр, а кто, прохаживаясь по верху, попивая пиво и фотографируясь.

Все стало, как прежде.

Декабрь, 2003 г.